

УДК 39

Фольклорно-этнографический комплекс масленичной недели у русских старожилов и новопоселенцев Западно-Сибирского Зауралья (юг Тюменской области)

Дёмина Лилия Васильевна

Декан факультета музыки, театра и хореографии,
Тюменский государственный институт культуры,
625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Республики, 19;
e-mail: ldemina@yandex.ru

Аннотация

Цель. На основании исследований историко-культурных процессов, происходивших на территории Западно-Сибирского Зауралья, сформировано представление о региональных традициях в двух его локальных версиях – старожильской и новопоселенческой.

Методология. В работе применяются общие и специальные методы культурологии – сопоставления и анализа исторических документов.

Результаты. Наиболее обширно и стилистически цельно пласт западносибирского фольклора представлен фольклорно-этнографическими комплексами зимнего календаря, в частности Святками и Масленицей. Анализ и систематизация фольклорно-этнографического материала, собранного в экспедициях на территории юга Тюменской области, раскрывают масленичный цикл календаря и расширяют представление о традиционной празднично-обрядовой культуре русских старожилов и новопоселенцев.

Заключение. Время изменило ситуацию в календарном обрядовом фольклоре, оставив незначительные элементы обрядовых действий и песен для будущих поколений, сегодня в основном в форме массовых праздничных увеселений, но фольклорно-этнографические материалы на примере Масленицы представляют огромную ценность для различных областей науки, а также помогают охарактеризовать и восстановить традиционную празднично-обрядовую культуру в регионе.

Для цитирования в научных исследованиях

Дёмина Л.В. Фольклорно-этнографический комплекс масленичной недели у русских старожилов и новопоселенцев Западно-Сибирского Зауралья (юг Тюменской области) // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 198-207.

Ключевые слова

Фольклорно-этнографический комплекс, празднично-обрядовая культура, масленичная неделя, русские старожилы, новопоселенцы, региональная культура.

Введение

В современной фольклористике большое значение уделяется изучению *обрядового* фольклора, концентрирующего в себе существенные признаки региональной традиционной культуры. Не случайно явления утраты многих образцов обрядового фольклора, а также проникновение в ритуальный комплекс инородных музыкально-поэтических форм расцениваются исследователями как разрушение системы традиционного фольклора. Обряд, благодаря наличию в нем механизмов самосохранения, способен на длительное существование в условиях исторически изменяющегося социокультурного контекста, становится мощным фактором развития традиционной культуры региона [Дёмина, 2013].

Роль обрядов в передаче культурной традиции территории

Посредством совершения обрядов люди укрепляли усвоенные от предшествующих поколений социальные установления и порядки. Благодаря обрядам осуществлялась связь людей друг с другом, изменялось их отношение к природе. Поэтому обряды можно рассматривать и как одно из проявлений социальной жизни общины. Посредством обрядов преодолевались многие конфликты, еще более укреплялись общественные связи, в жизнь человека вводились определенные коллективные нормы, которые в значительной мере обуславливали его поведение [Kornishina, 2012; Watson-Jones, Legare, 2016]. Однако ритуалы регулировали не только взаимоотношения между членами данного коллектива, но и хозяйственную деятельность, включенную в годовой календарный цикл. В терминах обрядовых акций осуществлялось «увязывание» индивидов с космосом и социумом, а значит, с общим ритмом социальной и природной жизни [Дёмина, 2013].

Носителями одной из поздних региональных культур, сформировавшейся на территории Западно-Сибирского Зауралья, являются представители двух различных по своим историко-культурным корням групп местного населения – *старожилы* и *новопоселенцы*. Рассмотрим пласт традиционной культуры на материале фольклорно-этнографического обрядового комплекса праздника Масленицы, представляющего собой один из ярких, наиболее полно сохранившихся и самобытных разделов традиции старожилы и новопоселенцев Западно-Сибирского Зауралья.

Масленичный фольклорно-этнографический комплекс

Масленичный фольклорно-этнографический комплекс (восьмая неделя перед Пасхой) в Западно-Сибирском Зауралье представлен достаточно разнообразно, вобрав в себя элементы как христианских, так и языческих верований. В этнографических описаниях говорится о безудержном веселье, шуме на Масленицу и указывается полная неделя ее празднования: *«Масленицу праздновали неделю»* (Гольшмановский район). Хотя чаще у информаторов XX-XXI вв. встречаются упоминания о времени гуляний на Масленицу с четверга по воскресенье: *«Масленицу гуляли с четверга по воскресенье. Прощеный день – воскресенье, когда ходят и просят прощения родственники, знакомые»* [там же].

Обрядовые действия, как «шествие с чучелом Масленицы», изготовленным «робятами», игры ряженых, символизирующие приход посланцев «иногo» мира, воплощают *первую фазу цикла*. Архетипическим является ритуал изготовления, величания и сожжения чучела, имеющего женский и мужской облик, что обеспечивало в будущем плодородие земли. Смешение гендерных ролей в Масленице, подобное переодевание и ряженье, по мнению А.В. Юдина, являлось проявлением антиповедения, где должна произойти нейтрализация оппозиции мужское – женское [Юдин, 1999]. В Тюменском уезде, по словам П.А. Городцова, заранее готовили все нужные элементы для приготовления чучела Масленицы и ее экипажа. Чучело делали из старого тряпья, набив его соломой, и одевали в женскую одежду. В соломе таится сила растительности, которую передают полям и всему живому на благо людям [Городцов, 1916]. *«В понедельник делали соломенное чучело, одевали в женскую одежду, давали в руки веник и таскали чучело по всей деревне на санках. Запрягали собак или жеребцов, с чучелом садили рядом кучера. В каждый дом заходили и Масленицей поздравляли. Нас за это угощали, и мы шли дальше. Когда Масленке конец, мы его сжигали на середине деревни, на дороге»* (Упоровский р-н). В своих исследованиях А.К. Байбурин отмечал ветхость, изношенность одежды масленичной куклы, объясняя ее принадлежность к «чужоми» миру [Байбурин, 1993]. В Исетском районе повсеместно наблюдается переодевание мужчины или женщины в роли Масленицы.

Магическую основу праздника усматривает В.К. Соколова в культе масленой, жирной еды и масленичном разгуле [там же]. *«В первый день Масленицы едят маслено только. Масленка пришла, тут блины да пирожки, а мясо уж не едят. Друг к другу в гости ходили»*(Гольшмановский р-н). Неумеренное поедание ритуальных блюд праздника (блины, масло, сыр, каравай, калачи) является магическим обрядом плодородия. Масленичное ряжение в Западно-Сибирском Зауралье посвящено также божеству праздника. *«Наряжались цыганами, лошадей. На палку насаживали голову лошади, давали ее в руки человеку, накрывали его покрывалом и разыгрывали сценку «продажи лошади цыганам»* (с. Исетское).

Семейные обряды, касающиеся молодоженов, сыгравших свадьбу в «мясоед», масленичные увеселения, начинающиеся катанием с ледяных гор и на лошадях, ритуальная еда

относятся ко второй фазе обрядовой триады. В д. Липихе Упоровского р-на у молодых, сыгравших свадьбу в период «мясоеда», собирали платки, «сшивали их чисто все» и подвешивали на самую верхушку деревянного столба «города», который ставил заранее молодой муж. Получить подарок молодых хотел каждый, особенно тот парень, что хотел обеспечить благополучие своей будущей женитьбе. Но озорство брало верх: «Молодые к им приехали за платком, а хозяева взяли да телячью шкуру отдали. Дак ведь телячью шкуру на город повесили, а уж потом на этой шкуре все катались». Кому посчастливилось залезть на «город», доставался подарок, если нет – его забирали хозяева. «Ставят сосновый столб: сколько молодых в году, столько и платков одевают на «тычку». Каждый на коне едет к столбу и платок снимает. Если ничего не снимали, то столб спиливали и бросали. Мужики бегут к столбу в драку, кому что достанется. Когда было много народу, ставили два города» [Дёмина, 1996, 7].

Обряды, связанные с молодоженами, содержат в себе продуцирующую магию и обеспечивают себе благополучие и потомство: их «мылили», мяти в снегу или просто бросали в них снежные комочки; заставляли целоваться при катании с гор, обязательно катали в кошовах. В Голышмановском р-не молодожены в первый день праздника отправлялись в дом родителей невесты, где оставались погостить целую неделю. В Исетском р-не теща пекла из теста каральки, украшала их орехами, медом, маком, изюмом и везла зятю, приглашая погостить. Масленичные визиты превращаются в «пиршество», что является доказательством гостеприимства, хотя не все они проходили мирно и гладко, особенно если зять себя считал обманутым невестой («честность» невесты).

Обычаи кулачных боев, состязаний, взятия снежных городков запечатлены и в современных записях, что связано с «уничтожением зимы», но с течением времени они приобрели развлекательный смысл. «Опоясывались красивым самотканым полотенцем, за которое друг друга и хватали, перекидывая через себя, «кто кого оборет». Боролись «с холки», «с крюку», «с пятки», «с носка» (Исетский р-н) [там же, 6].

С пятницы по воскресенье весь деревенский люд выходил на улицу в надежде покататься на лошадях – кто верхом, кто в кошевах. «Гуляли, на конях, на лошадях катались, ковры расстелют на кошевы. Сбруи были расшиты и блески блестели у людей кто побогаче, а кто победнее прицепят к саням «пистерюху» (коробушку), насадят ребятишек и катают по деревне» (Аромашевский р-н). Молодые, поженившиеся в текущем зимнем сезоне, разъезжали на кошовах с утра до позднего вечера, специально приготовленных для праздника. По мнению В.Я. Проппа, «ездили вдоль улиц, а не вкруговую, притом часто из одной деревни в другую» [Пропп, 1963, 92], но В.П. Аникин утверждает, что масленичные катания на лошадях вокруг сел воспроизводят круговые движения разгорающегося весеннего солнца [Аникин, 1970]. В деревнях Западно-Сибирского Зауралья катание на конях открывалось катанием детей, начиная с малого возраста и до подростков, с громким пением, подражая взрослым.

Катанию с гор первоначально приписывался культ плодородия, позже «катушка» превратилась в развлечение молодежи. *«Катушку большую заливали, до 200 метров, и катались, кто во что горазд: на санках, шкурах, досках. Кто в замуж не ушел, того свалят и на нем катаются с катушки-то. Катались и на свахе, что девку не смогла высватать». «Катушку ладили на реке. Вокруг нее елки усаживали. Катались парочками. Считалось, какая девка не катается, та не на моде. После Масленки солому и елки сжигают, а катушка остается для детей»* (Исетский р-н).

Во время катания с гор девушки садились на колени к парням (иногда наоборот), скатившись, целовались. Особенно веселым катание с гор становилось в воскресенье в «целовник». *«Всю неделю катаются, а в целовник, в последний день целуются, а неделю всю катаются – не целуются»*. Парни, ухаживая за девушкой, добивались поцелуя, скатывая ее с горы: *«Парень девушку поцелует, посадит и поедет с горы. Куда докатятся, там снова поцелует. Не всех цоловали, которы и целый день простоят, те которы не модны, не нравятся. А которых затаскают на нет, все целуют»* (Юргинский р-н). В Среднем Зауралье катались на «кружале» – это карусель на льду, устроенная из санок, жердей и тележного колеса, надетого на ось, вмороженную в лед.

Для обеспечения будущего урожая *«...молодняк ходил помяться на гумно, где мял солому – толкают друг друга, обнимают, заталкивают солому за шиворот»; «в сани на дровни ложили соху, будто ехали пахать в поле»* (Исетский р-н).

К третьей фазе относились обряды прощеного дня, когда родственники и соседи, падая друг другу в ноги, обменялись поцелуями и просили прощение за вольные и невольные обиды, прощали дочерей, вышедших замуж без родительского благословения («убёгом»), и проводы Масленицы. На территории Западно-Сибирского Зауралья можно выделить два типа проводов Масленицы, бытующих у старожилов и новопоселенцев: а) «сжигание» обрядового чучела Масленицы с пародийными причитаниями и безудержным весельем; б) *разжигание костров* вдоль дороги по деревне.

Сжигание чучела Масленицы – действие общенародное, обрядовое. В Исетском районе по всей деревне жгли костры с выкриками: *«Ой, смотрите Масленка горит»*, а по улице и вокруг костров ходили гармонисты. *«Чучело сжигали в последний день, в «целовник», в день прощания. Катушка тает и праздник уходит»* (с. Упорово). Во многих деревнях вместо чучела сжигали соломенные снопы, расставленные под вечер по всей деревне, или просто пучки соломы. *«Всю ночь жгли солому, гульбища были»* (с. Гольшманово). В Ишимском районе в виде очистительного обряда отмечено перепрыгивание через горящую солому. *«В Масленку в последний день делают шалаши большущий и кладут на ево солому, затем поджигают, приговаривая, что «лины сгорели», после чего большие молочное не едят. А потом по этому по огню на конях гоняют молодые. На завтра чистый понедельник – в бане вымоютцы и опять на горку пойдут кататься»* (Гольшмановский р-н). Похожее описание костра дает этнограф В.К. Соколова: *«В Ярославской губернии молодежь в воскресенье со-*

бирала по домам дрова, щепки, хворост, затем все складывала грудой, а вечером сжигали Масленицу» [Соколова, 1979].

Масленичному смеху приписывалась магическая сила, с одной стороны, способная уничтожить враждебное начало для человека в природе, с другой, усилить производительные силы природы. Смех во время проводов обрядового масленичного чучела на «тот» свет являлся обязательной чертой. В.Я. Пропп делит ритуальный смех по видам: смех жестокий и убийственный; смех, несущий живительное начало, при этом показывая процесс «умирания» и «возрождения» нового [Пропп, 1963].

«Смельчаки и весельчаки часто чудили. Верхом на корове, да еще задом – наперед», – так провожали Масленицу в д. Чумаково Юргинского района. В Сладковском районе лошадей впрягали в фургон и прибывали оглоблю с надетым на нее колесом, сверху складывали утварь, рядом пристраивали печку-железянку, сзади на цепь собаку привязывали *«...и по улице ехали, с песнями катались»*. В Голышмановском районе, со слов песенницы Л.И. Гурчевой, в последний день Масленицы солому жгли в двух-четырех местах, кто у дома, кто прямо на дороге, а *«молодые по этому огню на лошадях гоняли»* (д. Боровлянка). В Упоровском районе костер жгли в одном месте, причем собирая большой шалаш из веток, щепок, сверху завалив все соломой. *«Последний день – целовник. Прощенье ходили просили всю неделю. В воскресенье – прощенный день. В этот день ходили друг к другу в гости, брали кусочек туалетного мыла и заходили в дом со словами: «Простите меня, Христа ради». Трижды целуются и дарят кусочек мыла хозяевам»* (д. Ражево).

«Широкая» Масленица завершалась, и утром «чистого», «шального» понедельника в Сладковском районе жители выходили из дворов и топтали огарья от сожженных снопов соломы; пепел от соломы собирали в «кучечки, оставляя для нечисти». В Юргинском районе в этот же день отмывались от копоти снегом и шли в баню отмываться от масла. *«В пост ели кулагу, ягоды, квас густой наделают, вот ее идят, еще лучше, чем мясо»* (Голышмановский р-н).

Масленичные обрядовые песни в Среднем Зауралье частично сохранились у переселенцев Могилевской, Смоленской, Черниговской губерний. По словам исполнителей, *«на Масленку пели всякие песни»*, но записаны они в основном в одноголосном варианте [Дёмина, 1995]. У старожилов же отмечены приуроченные хороводные, лирические песни в ансамблевом исполнении и масленичные частушки – припевки, исполняющиеся под гармошку: *«Масленица – полизуха, полизала всех детей, сама села на плетень»* (Омутинский р-н); *«Масленица-кривошейка, полюби-ка меня хорошенько»*. Для хорошего урожая льна приговаривали: *«Уж ты лен, лен ты зелененький»* (с. Омутинское); *«Масленица из-под прясна, ударила тещу зятя, аж до красна»*. Пели длинные частушки: *«Ой, и ей не перейти – дорога огорожена. Ой, я страдаю по тебе, – наверно, приворожена»* (Омутинский р-н).

Музыкальный план масленичного цикла представлен масленичными припевками, связанными со сферой ритуального смеха, а также приуроченными хороводными, лирически-

ми проголосными песнями и масленичными частушками («длинными» и «коротухами»). *«Палишь Масленку вечером, ужю такие поют «На нашей на улице равы накапаны»* (Сладковский р-н, д. Лопазное, исп. Ф.Г. Сильченко, 1916 г. р.).

Масленичный цикл составляет целостный фольклорно-этнографический комплекс, включающий архетипические ритуалы и игровые обряды, выступает как переходный период, заканчивающий ряд зимних обрядов, и подготавливает приход весенних праздников с идеей возрождения всего живого.

Таким образом, масленичный фольклорно-этнографический комплекс старожилов и новопоселенцев Западно-Сибирского Зауралья представлен более полно, и автором выявлены типологические и региональные особенности обрядовых действий, происходивших на масленичной неделе: обряжения чучела, масленичного ряжения, семейных обрядов, касающихся молодоженов, сыгравших свадьбу в «мясоед», масленичных увеселений – катания с ледяных гор и на лошадях, ритуальная еда.

Выделены *два типа* проводов Масленицы, бытующих у старожилов и новопоселенцев Западно-Сибирского Зауралья: «сжигание» обрядового чучела Масленицы (повсеместно); разжигание костров вдоль дороги (Исетский, Упоровский районы). В *масленичном* комплексе музыкальный код представлен следующим образом: у старожилов – масленичными припевами, частушками, связанными со сферой ритуального смеха, исполняемыми под народные инструменты, и приуроченными необрядовыми песнями (хороводными, лирическими); у новопоселенцев – масленичными обрядовыми песнями, записанными в основном в одноголосном варианте от переселенцев Могилевской, Смоленской, Черниговской губерний.

Заключение

В начале XXI в. стали выдерживаться календарные сроки проведения Масленицы с включением традиционных элементов (катание на лошадях, на ледяных горках, приготовление обрядовой еды, кулачные бои, зимние игрища и состязания) в сценарии театрализованных праздников. Старожильческие и новопоселенческие фольклорно-этнографические материалы экспедиций дают полный сохранившийся цикл календарного праздника Масленицы на территории Западно-Сибирского Зауралья (юг Тюменской области), что позволяет более полно охарактеризовать региональную традиционную культуру в целом.

Библиография

1. Аникин В.П. Календарная и свадебная поэзии. М.: МГУ, 1970. 121 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 238 с.
3. Городцов П.А. Таинственные обряды крестьянской свадьбы в Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1916. Вып. XXV. С. 1-51.

4. Дёмина Л.В. Песенная жемчужина Исетского района. Тюмень: Культура, 1996. 102 с.
5. Дёмина Л.В. Песенная культура русского населения юга Тюменской области. Тюмень: Титул, 2013. 284 с.
6. Дёмина Л.В. Россияночка (Песни д. Ермаки Викуловского района Тюменской области). Тюмень: ООАТ, 1995. 83 с.
7. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Ленинград: ЛГУ, 1963. 143 с.
8. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979. 288 с.
9. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М.: Высшая школа, 1999. 333 с.
10. Kornishina G. Calendar rituals of the Mordva as a factor strengthening ethnic identity // Anthropology and archeology of Eurasia. 2012. Vol. 50. No. 4. P. 34-41.
11. Watson-Jones R.E., Legare C.H. The social functions of group rituals // Current directions in psychological science. 2016. Vol. 25. No. 1. P. 42-46.

Butter Week (Maslenitsa) folk-ethnographic complex of old and new West Siberian Trans-Urals residents

Liliya V. Demina

Dean of Music, Art and Choreography Faculty,
Tyumen State Institute of Culture,
625003, 19 Respubliki str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: ldemina@yandex.ru

Abstract

Objective. The article aims to provide insight into the local traditions of old and new residents on the base of the historical-cultural processes occurring in the territory of West Siberian Trans-Urals.

Methodology. The author applies common and special methods of culturology: comparison and historical record analysis.

Results. The largest and stylistically most complete presentation of the West Siberian folklore is reflected in folk-ethnographic complexes of winter calendar, Christmas-tide and Maslenitsa (Butter Week) in particular. The analysis and arrangement of the folk-ethnographic data gathered during the expeditions in the southern part of the Tyumen region reveal Maslenitsa cycle of the calendar and expand the idea of traditional festive-ritual culture of the old and

new Russian residents. The author points out two types of Maslenitsa celebration prevailing in the culture of old and new residents of West Siberian Trans-Urals: the "burning" of a Maslenitsa jackstraw and starting up a fire along the road.

Conclusion. Time has changed the situation in the calendar ritual folklore leaving only insignificant elements of the ritual actions and songs for the future generations, mainly in the form of outdoor festivities. Folk-ethnographic materials considering Maslenitsa are of a great value for the different branches of science. They help to describe and restore the traditional festive-ritual culture in the region.

For citation

Demina L.V. (2016) Fol'klorno-etnograficheskii kompleks maslenichnoi nedeli u russkikh starozhilov i novoposelentsev Zapadno-Sibirskogo Zaural'ya (yug Tyumenskoii oblasti) [Butter Week (Maslenitsa) folk-ethnographic complex of old and new West Siberian Trans-Urals residents]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 3, pp. 198-207.

Keywords

Folk-ethnographic complex, festive-ritual culture, Maslenitsa, old residents, new residents, regional culture.

References

1. Anikin V.P. (1970) *Kalendarnaya i svadebnaya poezii* [Calendar and wedding poetry]. Moscow: Moscow State University.
2. Baiburin A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoi kul'ture* [Ritual in traditional culture]. St. Petersburg: Nauka Publ.
3. Demina L.V. (2013) *Pesennaya kul'tura russkogo naseleniya yuga Tyumenskoii oblasti* [Song culture of the Russian residents in the south of the Tyumen region]. Tyumen: Titul Publ.
4. Demina L.V. (1996) *Pesennaya zhemchuzhina Isetskogo raiona* [The Isetskoe district song pearl]. Tyumen: Kul'tura Publ.
5. Demina L.V. (1995) *Rossiyanochka (Pesni d. Ermaki Vikulovskogo raiona Tyumenskoii oblasti)* [Russian woman (Songs of the Ermaki village in the Vikulovo district of the Tyumen region)]. Tyumen: OOAT Publ.
6. Gorodtsov P.A. (1916) Tainstvennyye obryady krest'yanskoii svad'by v Zapadnoi Sibiri [Mysterious rituals of a peasant wedding in West Siberia]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Tobolsk provincial museum annual], 25, pp. 1-51.
7. Kornishina G. (2012) Calendar rituals of the Mordva as a factor strengthening ethnic identity. *Anthropology and archeology of Eurasia*, 50 (4), pp. 34-41.

8. Propp V.Ya. (1963) *Russkie agrarnye prazdniki (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Russian agrarian holidays (The experience of ethnohistorical research)]. Leningrad: Leningrad State University.
9. Sokolova V.K. (1979) *Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkikh, ukraintsev i belorusov* [Spring and summer calendar rituals of the Russians, Ukrainians and Belarusians]. Moscow: Nauka Publ.
10. Watson-Jones R.E., Legare C.H. (2016) The social functions of group rituals. *Current directions in psychological science*, 25 (1), pp. 42-46.
11. Yudin A.V. (1999) *Russkaya narodnaya dukhovnaya kul'tura* [Russian folklife spiritual culture]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.